

Мас.

26911

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Появление въ послѣдней книжкѣ «Русской Мысли» двухъ новыхъ разсказовъ А. И. Чехова не имѣетъ характера пріятной неожиданности. Вопреки обыкновенію, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ въ нѣкоторыя изъ провинціальныхъ газетъ проникло сообщеніе о томъ, что популярный беллетристъ написалъ еще двѣ вещицы, «составляющія вмѣстѣ съ разсказомъ «Человѣкъ въ футлярѣ» какъ-бы одну серію, хотя по содержанію и не имѣющія никакой прямой связи». Новые разсказы «Крыжовникъ» и о «О любви» относятся къ категоріи тѣхъ маленькихъ правдивыхъ набросковъ съ натуры, которые въ большинствѣ случаевъ такъ удавались г. Чехову, и лица, привыкшія ожидать отъ талантливаго разсказчика непремѣнно шедевровъ, и на этотъ разъ затынуть обычную пѣсню о томъ, что авторъ «Палаты № 6» — увы! — обманулъ ихъ ожиданія. Страннѣе всего то, что такому легкомысленному унынію поддаются не одни лишь дилеттанты, но и достаточно умудренные опытомъ литературные оцѣнщики. Еще совсѣмъ недавно, по поводу «Человѣка въ футлярѣ» одинъ изъ московскихъ присяжныхъ критиковъ заявилъ, что г. Чеховъ уже слишкомъ ясно опредѣлился, чтобы отъ него можно было ожидать чего-либо большаго, и довольно заунывнымъ голосомъ спѣлъ по этой причинѣ на гласъ осмысленно грустную панихиду.

Въ газетномъ сообщеніи о трехъ разсказахъ, составляющихъ одну серію, но не имѣющихъ между собою связи, чувствовалось что-то несуразное, и невольно приходила въ голову мысль о репортерской отсебятинѣ. Но на этотъ разъ репортеры оказались на высотѣ призванія. Разсказы, дѣйствительно, не имѣютъ никакой *внутренней*, идейной связи. Это не рядъ однотипичныхъ фигуръ, интересующихъ автора, въ родѣ «Праведниковъ» Лескова, и не трилогія, гдѣ по всѣмъ разсказамъ проходитъ одно лицо. Разсказы г. Чехова составляютъ серію только потому, что они вставлены въ одну общую внѣшнюю рамку и разсказаны въ одной компаніи, хотя и не однимъ разсказчикомъ. Это та-же внѣшняя связь, какою скрѣплены сказки Шехерезады, новеллы Декамерона и гофмановскіе вымыслы «Серапионовыхъ братьевъ». Едва-ли кто-либо будетъ отстаивать теперь эту устарѣвшую форму повѣствованія, въ которой неизбѣжны и длинноты, и ненужныя уклоненія въ сторону, только тормозящая повѣсть, и искусственныя натяжки въ переходахъ. Въ свое время и у насъ была въ ходу такая форма, и Загоскинъ далъ цѣлый рядъ фантастическихъ повѣстей, связанныхъ такимъ образомъ; время показало всѣ невыгоды такой манеры, и теперь представляется прямо страннымъ, какъ могъ избрать ее опытный, одаренный глубокимъ чутьемъ беллетристъ. Три наброс-

ка, не связанные ни общностью идеи, ни однородностью изображаемыхъ типовъ, — это три фотографіи, наклеенныя на одну папку и окаймленныя широкими полями. Обрѣжьте эти поля, — фотографіи ничего не потеряютъ и, наоборотъ, выиграютъ въ томъ смыслѣ, что для нихъ понадобится несравненно меньше мѣста.

Второму разсказу серіи, носящему названіе «Крыжовникъ», предшествуетъ, какъ и первому интродукціонная, — и, нужно признать, совершенно лишняя, — картинка. Члены той-же компаніи, въ которой была разсказана исторія злополучнаго Бѣликова, врачъ Иванъ Ивановичъ и учитель Буркинъ, заходятъ въ дождливый лѣтній день, спасаясь отъ непогоды, къ знакомому помѣщику Алахину, вмѣстѣ съ нимъ купаются и затѣмъ одинъ изъ нихъ, ветеринарный врачъ, начинаетъ разсказъ о своемъ братѣ.

Герой эскиза — одинъ изъ тѣхъ невыдающихся, самодовольныхъ и сытыхъ людей, которыми полонъ міръ. Не горячіе и не холодные, они живутъ своими маленькими ограниченно-эгоистическими интересами, мечтая о пошленькомъ буржуазномъ счастьѣ, очень рано забывъ юношескіе порывы, какъ бесполезныя мечтанія. Всепоглощающею мечтою Николая Ивановича является уголокъ собственной земли и маленькая усадьба «гдѣ-нибудь на берегу рѣки или озера». «Братъ мой, Николай, — говоритъ разсказчикъ, — сидя у себя въ канцеляріи, мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ ѣсть свои собственныя щи, отъ которыхъ идетъ такой вкусный запахъ по всему двору, ѣсть на зеленой травкѣ, спать на солнышкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ за воротами на лавочкѣ и глядѣть на поле и лѣсъ. Сельскохозяйственныя книжки и всякіе эти совѣты въ календаряхъ составляли его радость, любимую духовную пищу; онъ любилъ читать и газеты, но читалъ въ нихъ одни только объявленія о томъ, что продается столько-то десятинъ пашни и луга съ усадьбой, рѣкой, садомъ, мельницей, съ проточными прудами. И рисовались у него въ головѣ дорожки въ саду, цвѣты, фрукты, скворешни, караси въ прудахъ и, знаете, всякая эта нитка. Эти воображаемыя картины были различны, смотря по объявленіямъ, которыя попадались ему, но почему-то въ каждой изъ нихъ непремѣнно былъ крыжовникъ. Ни одной усадьбы, ни одного поэтическаго угла онъ не могъ себѣ представить безъ того, чтобы тамъ не было крыжовника.

— «Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства, — говорилъ онъ, бывало. — Сидишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои утки плаваютъ, пахнетъ такъ хорошо и... и крыжовникъ растетъ».

Николай Ивановичъ живетъ, не доѣдая и не допивая, страшно скряжничая и одѣваясь, какъ нищій. Ему переваливаетъ уже за сорокъ, но онъ попрежнему читаетъ объявленія въ газетахъ и копить. Все въ тѣхъ-же видахъ, онъ женится на старой, некрасивой вдовѣ съ деньгами, и

вогъ уже послѣ ея смерти, наконецъ, удается ему осуществить свой идеалъ. Приобрѣтается имѣніе, разводится крыжовникъ, и для безцвѣтнаго стяжателя, уже дожившаго до сѣдыхъ волосъ, наступаютъ радостный моментъ показавъ своимъ приобретенью пріѣхавшему въ его имѣніе брату. Онъ уже вошелъ въ свою роль хозяина и привыкъ къ своему положенію, — много кушаетъ, полнѣетъ, судится съ соседними заводами, солидно заботится о своей душѣ и съ важностью творить добрыя дѣла, т. е. лечитъ мужиковъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой. Съ удивленіемъ видитъ гость нравственную перемену въ своемъ братѣ, замѣчаетъ самостоятельность и категоричность сужденій въ этомъ человѣкѣ, не осмѣливавшемся прежде имѣть собственные взгляды даже лично для себя.

Случайный, ничтожный эпизодъ, происшедшій во время пребыванія рассказчика въ гостяхъ у брата, наводитъ перваго на тоскливыя мысли о человѣческомъ ничтожествѣ и пошлости. Изъ вечернему чаю братьямъ приносятъ тарелку крыжовника, — собственного, не купленнаго крыжовника, собраннаго въ первый разъ съ кустовъ имѣнія. Сначала Николай Ивановичъ засмѣялся и не могъ говорить отъ волненія, и потомъ съ торжествомъ и восторгомъ кинулъ въ ротъ жесткія и кислыя ягоды, восклицая: «Какъ вкусно!» и предлагая гостю попробовать. Помѣстившись на ночь подлѣ комнаты счастливаго приобретателя, рассказчикъ слышалъ, какъ онъ не спалъ, поминутно вставалъ съ постели, подходилъ къ тарелкѣ и бралъ по ягодкѣ. При видѣ этого пошлаго человѣческаго счастья, Иванъ Ивановичъ печально задумывается.

«Какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! — соображаетъ онъ, — какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ 50-ти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмущился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго, счаст-

ливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда — болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ».

И уѣхавъ Иванъ Ивановичъ отъ своего брата съ сквернымъ чувствомъ въ душѣ. Съ тѣхъ поръ ему невыносимо стало бывать въ городѣ, видѣть всеобщую тишину, спокойствіе и мѣщанское счастье семейства, сидящаго вокругъ стола и пьющаго чай. Старость уже притупила въ немъ способность ненавидѣть, но эти мысли о человѣческомъ эгоизмѣ вызываютъ въ немъ скорбь, раздраженіе и бессонницу.

«Павелъ Константиновичъ, — въ заключеніе говоритъ онъ умоляющимъ голосомъ одному изъ слушателей, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя, дѣлайте добро! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьи, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ...»

Рассказъ законченъ. Предлагается изображеніе душевнаго настроенія слушателей и, послѣ предварительной картинки, начинается третій рассказъ «О любви». На этотъ разъ, воспользовавшись случайнымъ поводомъ, рассказываетъ хозяинъ имѣнія Алексинъ. Въ первые годы свое хозяйничанья въ деревнѣ Алексинъ знакомится съ товарищемъ председателя окружного суда Лугановичемъ и его женою. Съ первой встрѣчи рассказчикъ чувствуетъ какое-то особенное влеченіе къ этой молодой, прекрасной, интеллигентной и обаятельной женщинѣ. Чѣмъ-то-близкимъ и родственнымъ Алексину вѣетъ отъ ея фигуры. Мужъ и жена, вѣжно любящіе другъ друга и живущіе мирно и благополучно, сердечно привязываются къ новому знакомцу. Мало по малу послѣдній становится своимъ членомъ въ домѣ Лугановичей. Въ отсутствіе хозяйки, онъ разговариваетъ съ ней, играетъ съ ребенкомъ, читаетъ газету. Когда хозяйка дома, онъ подолгу разсуждаетъ съ женою, находя все болѣшую прелесть и въ ея взглядѣ, и рукопожатіи, и прическѣ, и голосѣ. Чувство дружбы переходитъ въ молодой членомъ въ настоящую любовь.

«Я былъ несчастливъ, — говоритъ Алексинъ. — И дома, и въ полѣ, и въ сараѣ я думалъ о ней, я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходитъ за неинтереснаго членомъ, почти за старика (мужу было больше сорока лѣтъ), имѣетъ отъ него дѣтей, — понять тайну этого неинтереснаго членомъ, добряка, простака, который разсуждаетъ съ такимъ скучнымъ здравомысліемъ, на балахъ и вечеринкахъ дер-

жится около солидных людей, вялый, ненужный, съ покорнымъ, безучастнымъ выраженіемъ, точно его привели сюда продавецъ, который вѣрить, однако, въ свое право быть счастливымъ, имѣть огъ неядѣтей, и я все старался понять, почему она встрѣтилась именно ему, а не мнѣ, и для чего это нужно было, чтобы въ нашей жизни произошла такая ужасная ошибка».

Возникаетъ и въ молодой женщинѣ отвлѣченное чувство, и безъ взаимныхъ признаній оба они узнаютъ о своей любви. Но ни онъ не рѣшается предложить ей бросить ея тихое счастье и идти объ руку съ нимъ, ни она не считаетъ возможнымъ составить счастье Алехина. Медлительно влекутъ эти томительные дни безнадежной любви, пока, наконецъ, не подходитъ развязка. Лугановичъ получаетъ новое назначеніе, а его жена, для поправленія здоровья, уѣзжаетъ въ Крымъ. Проводами ея и сценою вспыхивающаго чувства влюбленныхъ рассказъ заканчивается. Когда уже «до третьяго звонка оставалось одно мгновеніе, — рассказываетъ Алехинъ, — я вбѣжалъ къ ней въ купѣ, чтобы положить на полку одну изъ ея корзинокъ, которую она едва не забыла; и нужно было проститься... Когда тутъ, въ купѣ, взгляды наши встрѣтились, душевные силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрыя отъ слезъ, — о, какъ мы были съ ней несчастны! — Я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понималъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить... Я поцѣловалъ въ послѣдній разъ, пожалъ руку, и мы разстались — навсегда...»

Таковы новые рассказы г. Чехова, въяты въ окаймляющей ихъ рамки. Какъ и прежнія произведенія высоко-талантливаго беллетриста они дышатъ глубокою житейскою правдой, тонкою наблюдательностью и подкупающею сердечностью. Дѣйствуютъ живые люди, которыми полонъ свѣтъ. Кто не знаетъ людей въ футлярахъ, у кого нѣтъ задушевной мечты о своемъ крыжовникѣ, который представляется то въ томъ, то въ иномъ обольстительномъ образѣ? На восьми страницахъ умѣщается цѣльная, безпристрастно-вѣрная, колоритная картинка жизни. И если можно сдѣлать упрекъ рассказамъ со стороны художественной, то только мѣтя въ виду ненужность той рамки, въ которую вставлены эти бытовые картинки.

Что касается фона этой рамки, то онъ поражаетъ своею траурностью. По поводу «Человѣка въ футлярѣ» мы имѣли случай отмѣтить грустные и тоскливые нотки, звучащія въ тонѣ рассказчика и выписали даже заключительную картинку ночного пейзажа, полную чарующей красоты, но, — казалось намъ, — мало гармонировавшую съ сущностью рассказа. Въ послѣднихъ рассказахъ печально-задумчивое настроеніе автора сказывается уже во всей силѣ и съ полною рельефностью

и адѣсь оно совершенно умѣстно и не звучитъ диссонансомъ, такъ какъ само по себѣ содержаніе способно навести читателя на невеселыя мысли. Въ этихъ рассказахъ г. Чеховъ уже вовсе не тотъ объективистъ-художникъ, повидимому, совершенно безучастно относящійся къ изображаемому, каковы онъ представлялся ранѣе; отъ прежняго безстрастія, вызывавшаго зачастую обличенія въ безидейности, здѣсь уже нѣтъ и слѣда. Всюду за фигуру рассказчика виденъ субъективистъ-авторъ, болѣзненно-тонко чувствующій жизненную нескладницу и не имѣющій силы не высказаться. Мы скажемъ-бы, что авторъ боленъ міровою скорбью, если-бы значеніе этого послѣдняго выраженія не было такъ оплошено и избито. Жизнь рисуется г. Чехову въ какой-то туманной дымкѣ печали. Хмурые люди, печальные факты, стрые и пасмурные дни, осенняя умирающая природа. Житейская пошлость возбуждаетъ въ немъ не иронію комориста и не сарказмъ сатирика, но грусть впечатлительнаго поэта, и изъ-подъ пера его ползаетъ меланхолическая элегія. Фигура Николая Ивановича, вѣчно носящагося съ своимъ крыжовникомъ, еще болѣе фигура самозамкнутого, какъ улитка, и до смѣшного консервативнаго Бѣликова могутъ быть разсматриваемы, какъ комическіе типы, но для г. Чехова они только жалки, и ему не приходитъ въ голову юмористическая трактовка взятыхъ сюжетовъ. Припомните элегически-красивую заключительную картинку перваго рассказа, прочтите вводныя и завершительныя сцены двухъ послѣднихъ этюдовъ, обратите вниманіе на нѣкоторыя фразы рассказчиковъ, намѣренно выписанныя и подчеркнутыя нами, — и станетъ очевиднымъ, что описываемое настроеніе автора не навязывается нами ему по личному желанію, но дѣйствительно ему принадлежитъ.

Можетъ быть, мы ошибаемся, но намъ кажется, что настаетъ серьезный переломъ въ творчествѣ г. Чехова, болѣзненно созрѣваетъ въ его душѣ что-то новое... Какая-то струна звучитъ не въ ладъ, внося фальшь въ гармоническіе аккорды, и еще трудно уяснить, что нужно сдѣлать, чтобы она звучала-мелодично, но уже ненормальность ея тона ясна до несомнѣнности. Для выясненія этого не столько важны самые рассказы и ихъ герои, сколько включающая ихъ рамка и личность рассказчиковъ. И симптомы такого настроенія обнаружались уже давно. Еще задолго до появленія этихъ трехъ рассказовъ замѣчалась въ талантливомъ беллетристѣ какая-то едва чувствительная, мягкая грусть въ отношеніи къ природѣ и человѣку. Почти всѣ безъ исключенія рассказы его, написанные за послѣдніе годы, носятъ драматическій характеръ, иногда возвышаясь до высокаго трагизма. Въ самомъ выборѣ темы чувствуется, что его давитъ кошмаромъ и гнетутъ темныя стороны жизни, которыхъ

онъ не можетъ не видѣть, и его нельзя почти всегда запечатлѣть меланхолическою красотою. «Надъ полемъ» давно уже напечатанъ, ждешь дождя, а его нѣтъ», — вотъ общій фонъ, на которомъ происходитъ дѣйствіе его послѣднихъ сочиненій. Такъ легко можно указать произведенія такого типа, что мы даже не считаемъ нужнымъ предлагать такой перечень. Подъ послѣднимъ временемъ г. Чеховъ сохранялъ почти всегда строгую объективность. Даже въ «Мужикахъ», — произведеніи, гдѣ всего мрачнѣе и гуще темныя краски, — даже здѣсь онъ ни разу не выказалъ наиболѣе сильного чувства. Въ разбираемыхъ трехъ рассказахъ это чувство проявилось уже со всею силою, и можно заключить объ его интенсивности уже по тому, что настроеніе автора проявилось здѣсь какъ-то болезненно, въ ущербъ художественности картинъ, заставило опытнаго беллетриста, котораго никто никогда не имѣлъ права упрекнуть въ недостаткѣ чувства мѣры, избрать такую форму, которая вовсе не вытекала изъ сущности фабулы и вѣстныхъ типовъ.

Повторяемъ, — можетъ быть, мы ошибаемся, по намъ кажется, что въ душѣ г. Чехова начинается тотъ переломъ, который въ свое время пережили многие изъ нашихъ большихъ писателей, отъ Гоголя, Достоевскаго и Лѣскова до нынѣ здравствующаго Л. Толстого и нѣкоторыхъ другихъ художниковъ слова, съ тою только разницею, что въ немъ онъ начинается значительно ранѣе. Художественныя задачи отходятъ на задній планъ, и умъ устремляется къ рѣшенію вопросовъ этики и религіи. Объективное, спокойное изображеніе дѣйствительности уступаетъ мѣсто тревожному философскому обсужденію золъ жизни, выступаетъ на сцену не фактъ, но философія факта. Этикъ объясняется и то, почему, — иногда не совсѣмъ вѣстать, — г. Чеховъ высказываетъ среди разсказа устами разсказчика или непосредственно отъ себя свое собственное чувство возмущенія или печали (См. напр., стр. 150 — о спаваніи мужиковъ; стр. 153 — патетическое призваніе къ разумной дѣятельности, также элегическій конецъ разсказа и т. п.). Этикъ же объясняется и прозаическое заглавіе «О любви», болѣе подходящее къ философски-этическому трактату, чѣмъ къ разсказу.

Если мы не ошибаемся, и дѣйствительно начало душевнаго кризиса, о которомъ мы говоримъ, переживается въ настоящее время г. Чеховымъ, то остается пожелать, чтобы онъ не былъ столь мучительно-тяжелымъ, какимъ былъ и бываетъ для многихъ, и чтобы, съ другой стороны, моралистически философскія задачи писателя не подавили въ немъ потребности художественнаго творчества, какъ это было съ творцомъ «Мертвыхъ душъ» и авторомъ «Войны и Мира».

А. Исайловъ.